

Шошана Гельцер

Хайфа, Израиль

БЕНЬЯМИН АКЦИН: ИЗ РИГИ В ИЕРУСАЛИМ

Среди материалов 3-й Международной конференции «Евреи в меняющемся мире» имеется обстоятельная статья Эллы Сливкиной «Знаменитые евреи, выходцы из Прибалтики, — строители Государства Израиль». Один из разделов этой статьи посвящен известному ученому-правоведу и государственному деятелю, профессору Беньямину Акцину¹ (1904—1985)². Подробно рассказав о его жизни и деятельности и перечислив важнейшие труды ученого, Э. Сливкина отметила, что к концу своей жизни Б. Акцин написал воспоминания, озаглавленные им «Из Риги в Иерусалим», которые были изданы на иврите после кончины автора, в 1989 г.³ Эти воспоминания, подчеркивает она, «представляют собой ценный документ, рассказывающий о сложном и бурном периоде истории еврейского народа, увиденном глазами ученого и политика, еврея и европейца, *сиониста и гражданина мира»⁴.

Цель настоящей статьи — подробнее рассказать об этой замечательной книге. Эта «запоздавшая рецензия» пишется в марте 2002 г. в Хайфе, в дни, когда в Израиле свирепствует невиданный доселе террор, когда право нашего государства на существование снова и снова подвергается сомнению во всем мире, а человеческая жизнь абсолютно обесценена террористами-самоубийцами. В эти дни повествование Б. Акцина, сиониста, специалиста по международному праву и просто умного человека, особенно актуально.

Любые воспоминания интересны по-своему, но если мемуарист умеет определить свое место во времени и пространстве в течение жизни в меняющемся мире, если воспоминания искренни, а рассказ увлекателен, такой человеческий документ имеет особую ценность.

Беньямин Акцин обладал превосходной памятью, отличался вниманием и уважением к людям. В силу своего образования он умел понять происходящее, научился отстаивать право и правду.

«Из Риги в Иерусалим» — книга не очень объемистая (370 страниц), но в ее алфавитном указателе около тысячи (!) имен, причем рассказ ведется так, что множество действующих лиц не мешает читателю, а, наоборот, побуждает вспоминать, сопоставлять, задумываться. События в книге представлены в хронологическом порядке, но Б. Акцин умеет, «не выпадая из повествования», сообщить о дальнейшей судьбе многих людей, с кем он общался в разные периоды своей жизни. Книга его воспоминаний охватывает период с 1904 по 1949 г., т.е. годы детства и юности, прошедшие в Риге, годы учебы и сионистской деятельности в разных городах Европы, годы научных изысканий и преподавательской деятельности в университетах, работы в государственных учреждениях и общественных организациях США до 1945—1946 гг., когда Б. Акцин с семьей репатриировался в Страну Израиля.

Поступило сверх программы конференции.

Беньямин Акцин

Из воспоминаний Б. Акцина видно, что этот человек с 15—16-летнего возраста материально жил крайне скромно, хотя мог бы заниматься, например, адвокатской практикой. Целью его жизни была сионистская деятельность на благо еврейского народа и Государства Израиль. Основными достижениями Б. Акцина как раз и стали его юридические доводы, убеждавшие сильных мира сего.

В данной статье мы остановимся на рижском периоде жизни Беньямина (или Нёмы, как его называли родные), рассмотрим этот период так, как он рассказал о нем сам. Воспоминания включают 21 главу, из которых детским и юношеским годам посвящены семь: «Детство» — 1-я, «Годы становления перед войной» (период до 1914 г.) — 2-я, «В гимназии» (3-я), «Сестра Роза» (4-я), «Саратов» (о жизни в эвакуации с 1915 г. у родственников, ранее осевших в Саратове) — 5-я, «Рига в дни войны и переворотов» — 6-я, «Латвия» (начало 20-х гг.) — 7-я.

Б. Акцин подробно рассказывает о своих родителях — выходцах из небольших городков Западного края Российской империи. Их гибель, как и смерть других родственников и всех евреев, уничтоженных во время Второй мировой войны нацистами, навсегда осталась для него незаживающей раной. Б. Акцин всю жизнь был благодарен своему отцу Меиру Цви Акцину за воспитание и образование, полученное с раннего детства. Помимо того, что он был приручен к труду, аккуратности и ответственности, помимо того, что родители поддерживали в нем любознательность и стремление учиться, отец воспитывал его как е в р е я.

Из книги Б. Акцина читатель получает массу сведений о жизни рижан — как евреев, так и неевреев в начале XX в. Все окружающее представлялось мальчику Нёме прекрасным, добрым и гармоничным, но со временем он стал воспринимать то время иначе.

Как и в большинстве еврейских домов, праздники отмечались в доме Акциных с радостью. Самой радостной для Нёмы была *Ханука, но, что еще важнее, с пяти лет его серьезно обучали *ивриту. До 1921 г. у него сменилось несколько учителей. Акцин хорошо знал *Танах, молитвы, начала *Талмуда, а также многих светских писателей, возрождавших иврит. Сионистом он стал не случайно: вся семья Акциных в какой-то мере была связана с сионистским движением, но судьба этой семьи — свидетельство того, что вновь собрать евреев на их исторической родине было чрезвычайно трудно.

Б. Акцину довелось учиться в гимназиях с разными языками обучения — немецким, русским и даже *идишем. Он не был примерным учеником: некоторые предметы не любил, мог и поозорничать. С детства до пожилого возраста он сохранил превосходное чувство юмора, и его мемуары содержат массу шуток и комических эпизодов. В частности, ему вспомнился анекдот весны 1917 г., когда бывшая Российская империя бурлила после крушения царизма.

«Интерес масс к разнообразным политическим партиям, — пишет Б. Акцин, — был столь велик, что казалось, будто каждый человек должен солидаризироваться с какой-нибудь партией. Конечно, бы-

ли и исключения и немало, но на еврейской улице получил распространение следующий анекдот. Студент спрашивает:

— *Раб ид* [господин еврей], вы социал-демократ или социалист-революционер?

— Я дамский портной» (с. 70).

Б. Акцин постоянно искусно переплетает рассказ о событиях, анализ и объяснение этих событий с рассказом о себе, обо всем, что занимало его лично.

«Два важных события произошли в моей жизни весной 1917 г., в первый период демократической революции. Первым было мое тринадцатилетие — время, когда еврейский мальчик становится взрослым и начинает сам отвечать за свои поступки. Мы праздновали *бармицу «трижды», т.е. были три церемонии в течение одной и той же субботы. На первой я был вызван к *Торе, прочел свою *хафтару [текст из *Пророков] в синагоге, где мы привыкли молиться. Понятно, что эта церемония была в тот день главной. Для меня, парня, привыкшего молиться и отлично знающего иврит, трудностей не было. После молитвы прошло следующее торжество. Около восьмидесяти мужчин были приглашены на *кидуш, собственно говоря, на обед, в наш дом. Гостями этими были соблюдающие традиции знатоки Торы из числа тех, кто молился в нашей синагоге; наши родственники и друзья, а во главе всех — городской раввин Зак. Перед этим обществом я должен был около получаса держать речь о различных проблемах *Галахи. Мой учитель выбрал тему несколькими неделями раньше, и именно подготовка этой речи была основной во всей подготовке к бармице. На основе книги «*Шагат срье*» [«Рычание льва»] я должен был рассуждать о наложении *тфилин; я должен был приводить аргументы «за» и «против» накладывания тфилин в *хольха-моз* [«полупраздничные дни»], цитировать источники и прийти к обоснованному выводу. Не помню уже, к какому выводу я пришел, но помню, что *талмидей хахамим* [знатоки Торы и Талмуда], которые были среди собравшихся, выразили одобрение тому, как я справился с темой, а отец удостоился ото всех похвалы за ученость сына» (с. 71).

«Вечером состоялась третья церемония. И эта тоже в нашем доме. Около ста двадцати мужчин и женщин были приглашены на ужин и вечер танцев после ужина. Атмосфера на этой вечеринке была совершенно другой. Публика была молодой, менее религиозной, нарядно одетой и в более веселом настроении. В течение вечера меня попросили сказать речь, к которой я не готовился. Я подчинился. На этот раз говорил по-русски. Мне как-то удалось сказать что-то, подходящее к событию, но потом я запутался и продолжал говорить, не имея представления, как завершить речь. Из этого неловкого положения меня спасла [сестра] Ольга, которая крикнула во весь голос с другого конца зала: «Нёмка, если ты не знаешь, как кончить, то не должен был и начинать!» Все гости расхохотались, и так моя «речь» была завершена. В тот день я дважды практиковался в красноречии и при второй попытке получил отличный урок, пригодившийся в будущем» (с. 72).

«Вдобавок к совету Ольги я получил в честь моего праздника массу подарков, больше всего книг — русских, немецких и на иврите. Интересен подход, характерный для взрослых, говоривших только на идише: я не получил ни одной книги на идише; даже книги великих писателей — Шолом-Алейхема⁵ и И. Л. Переца⁶, которые писали на идише, я получил в переводах на иврит! Так я составил серьезную библиотеку — в основном, классика, история, предания, мифология, научно-популярные книги в оригинале или переводах. Даже при моем быстром чтении этого материала мне хватило на целый год. Одна из книг произвела на меня особое впечатление. Это была книга на иврите «*Хаолам хамитхаве*» [«Мир возникающий»]. Это были путевые заметки о посещениях Страны Израиля в 1913 г. ученым из Одессы. Автор — Иосиф Клаузнер⁷, ставший впоследствии профессором Еврейского университета в Иерусалиме, специалистом по ивритской литературе и периоду *Второго храма. Благодаря этой книге я впервые как бы познакомился с условиями жизни поселенцев в Стране Израиля и их проблемами, и это чтение усилило мое желание совершить *алию и участвовать в деле заселения страны» (с. 72).

Беньямин Акцин — гимназист (Рига, 1920 г.)

Б. Акцин. «Из Риги в Иерусалим». (Иерусалим, 1989).
На обложке книги автор (справа) изображен вместе с
В. Жаботинским

воспитания, еврейские нравственные устои и т.п. Все было за выкуп земель, за алию в Страну Израиля, за переход к продуктивному труду⁸ и распространение иврита. Все сказанное в каждой речи казалось мне правильным и убедительным. Думаю, однако, что это отношение пылкого восхищения без всякой критики (то, что по-русски называется «телячий восторг») долго не удержалось. Через некоторое время я стал более разборчивым, но моя приверженность сионистской идее в целом осталась крепкой» (с. 72—73).

Приведенные выше отрывки из книги Б. Акцина благодаря мастерству рассказчика дают массу информации — как будто перед нами проходят кадры документального фильма, снятого весной 1917 г.

Б. Акцин очень живо и очень точно рассказывает о повстречавшихся на его жизненном пути людях и пережитых им событиях. Он всегда очень хорошо разбирался в прошлом, настоящем и задумывался о будущем, а впоследствии, делясь воспоминаниями, заново переосмысливал былое. Невозможно пересказать всю его книгу — ее надо прочесть, а историку — даже неоднократно. Горячо рекомендую перевести книгу «Из Риги в Иерусалим» на русский язык. На иврите она вышла в Иерусалиме, и было бы символично, если бы на русском она была издана в родном для автора и любимом многими прекрасном городе Риге. А пока хочу предложить читателю перевод нескольких отрывков из этой книги, в которых речь идет о нескольких месяцах советского режима в Риге в 1919 г.

«Вторым событием, которое произошло в ту переполненную эмоциями весну 1917 г., было мое посещение сионистского собрания — первого, на котором я присутствовал. Власти в царской России все годы с трудом терпели сионистскую деятельность, а публичные собрания сионистов были запрещены. Сразу же после свержения царя сионистское движение на просторах России расцвело, и к нему примкнула масса евреев. Не прошло и нескольких недель, как зазвучал призыв созвать всероссийскую конференцию сионистов в Петрограде. В Риге, как и во всех остальных еврейских общинах России, созывались открытые собрания, чтобы обсудить проблемы движения и избрать делегатов на конференцию.

Отец взял меня на собрание. У входа он приобрел для меня символический *шекель, который «служил» членским билетом *Всемирной сионистской организации, и таким образом в тринадцать лет я стал сионистом, платящим членские взносы... Я впервые слышал людей, всерьез обсуждавших то, о чем я издавна мечтал, и был в тот вечер заворочен. В каждой речи мне виделось сочетание возвышенной мудрости и высочайшего ораторского искусства. Были студенты, которые восхваляли социалистический сионизм, другие подчеркивали, что надо усиливать межсловное сотрудничество, поощрять частную инициативу, внедрять основы религиозного

«Несколько недель, прошедших между поражением Германии в ноябре 1918 г. и захватом Риги Красной армией, были заполнены разного рода деятельностью.

Собрание латышских лидеров провозгласило независимость Латвии, а себя объявило Временным правительством. При отсутствии собственных вооруженных сил надежды возлагались на влияние, а по мере надобности — и на помощь армий стран-победительниц [в Первой мировой войне] для защиты молодой республики от вторжения Красной армии, которая стала приближаться вслед отступавшим немецким солдатам.

Местные немцы, которые до недавних пор надеялись стать правящим слоем в крае, были категорически против власти коммунистов, но, с другой стороны, не питали ни уважения, ни доверия к странам, воевавшим против Германии. При некоторой помощи отступавшей немецкой армии местные немцы организовали земельное ополчение — ландесвер, целью которого было сопротивление Красной армии и борьба за установление в регионе Риги такого строя, при котором немцы продолжали бы играть почетную роль. В Риге были, так сказать, буржуазно настроенные молодые евреи, но лишь немногие из них примкнули к ландесверу.

В среде еврейских подростков 14—16 лет, в число которых входил и я, была предпринята попытка организовать Союз сионистской молодежи, в основном на базе учащихся гимназий. Инициаторами были двое — Борис Гуревич и я.

Много времени спустя Борис Гуревич стал зваться Барухом Гуриэлем. Он был близок к Хаиму Вейцману⁹, являлся первым главой отдела разведки Министерства иностранных дел Израиля, затем заведующим архивом Хаима Вейцмана в Реховоте. Гуриэль скончался в 1983 г.

В одном из кинотеатров Риги было создано сионистское собрание, на которое пришли сотни юношей и девушек. Было избрано правление, и мы начали строить планы разветвленной культурной деятельности. Во время составления программы пришло известие, что Красная армия приближается к городу.

В один из дней конца декабря в Ригу прибыл британский генерал по фамилии Гоф¹⁰, который был главой делегации стран Антанты. Два британских эсминца вошли в устье Двины и причалили к пирсу напротив Старого города

Вся рижская молодежь устремилась к причалу и «пялилась» на редкое зрелище.

Новый 1919 г. рижане встречали в приподнятом настроении, и наша семья тоже.

Одним или двумя днями позже пришло сообщение, что части Красной армии приближаются к восточным предместьям Риги.

Ландесвер окопался на южном берегу Двины, готовый к бою. Неподалеку от немецкого ополчения расположилась часть белогвардейцев под командованием монархиста полковника Бермондта¹¹.

Все ожидали увидеть, как британские военные корабли откроют огонь из тяжелых орудий по красным и поверх городских строений полетят снаряды. На следующее утро многие молодые рижане, и среди них и я, побежали к причалу, чтобы стать свидетелями этого драматического события, но увидели мы лишь силуэты британских кораблей, уходящих в море...

Не прошло и нескольких часов, как в город вошли красноармейцы.

В тот день я получил свой первый урок международной политики: демонстрация силы ничего не стоит, если «играющий мускулами» не намеревается эту силу применить и противник это знает...

Четыре месяца, следовавшие после дня отплытия англичан, отличались от всего того, что мне пришлось пережить прежде. Кроме двух кратких посещений Советского Союза через шестьдесят с лишним лет, эти четыре месяца были для меня единственной возможностью испытать себя в жизни под властью Советов. Это был начальный период советского строя: еще не было устойчивой централизованной власти, а были широкие возможности проявления «инициативы на местах» с элементами жестокого подавления и почти утопической анархии» (с. 78).

Б. Акцин объясняет, чем отличались подразделения латышских стрелков от русских частей Красной армии. Всерьез восприняв лозунг о праве наций на самоопределение, стрелки надеялись разделить земли прибалтийско-немецкого дворянства среди крестьян Латвии, добиться независимости и процветания... Но впоследствии получилось иначе: латышские стрелки стали элитными частями Красной армии.

Б. Акцин очень много рассказывает о нескольких месяцах советской власти в Латвии: с одной стороны, власти делали все возможное для поддержания порядка, чтобы не было абсолютного голода, но с другой — проводились национализация, конфискация, реквизиции и, конечно, репрессии против тех, кто был объявлен врагом.

Больше «из принципа», чем по необходимости, проводилось «уплотнение» жильцов больших квартир, хотя Рига после того, как в 1914—1918 гг. ее покинула большая часть жителей, стояла полупустой. У Акциных была большая квартира, так как отец Беньямина, рано осиротевший сын бедного *меламеда, без чьей-либо помощи выбылся в люди и стал состоятельным купцом и членом правления банка. Правда, к 20-м гг. большая часть имущества Акциных была утрачена. Чтобы избежать уплотнения, сообразительный Беньямин вывесил на входной двери и дверях двух комнат «вывески» с надписью «Редакция газеты учащихся немецкой гимназии». К счастью, эта мера предосторожности не понадобилась...

Хозяйство Латвии было почти парализовано. Голода не было, но нехватка продовольствия ощущалась постоянно. Донимал холод — не было топлива.

Семья Акциных пыталась приспособиться. Отец работал в кооперативном банке и получал паек служащего. Сестра Ольга пошла работать на фабрику и получала самый лучший паек — «рабочий». Сестра Роза уже несколько лет жила в Лондоне, а мать и сестра Берга, умственно отсталая девушка, не работали, а потому считались «нетрудовым элементом» и их продуктовый паек был самым мизерным. Беньямину как учащемуся полагалось немного больше продуктов. Семья как-то перебивалась, но все это мало способствовало оптимизму.

А между тем «демократизация» школы, которую принесла с собой революция, ворвалась и в чопорную немецкую гимназию. Беньямин участвовал во всех ученических комитетах — классном и общешкольном, входил в редколлегии школьной газеты. Правда, ни одного ее номера ученики выпустить не успели. Интересно, что директор гимназии и преподаватель истории в младших классах Гильденбрандт исчез и впоследствии не вернулся. Нового директора выбирали открытым голосованием сами учащиеся. В частности, за кандидатуру учителя физкультуры голосовали ученики-немцы, а за преподавателя истории в старших классах отдали голоса ученики-евреи. Поскольку евреи в гимназии были в меньшинстве, то директором стал учитель физкультуры.

Примерно с десятилетнего возраста у Нёмы вошло в привычку все происходящее обсуждать с несколькими друзьями, такими же любознательными еврейскими мальчиками. Их группа, назвавшая себя «академией», изучала различные проблемы, мальчики готовили рефераты на разные темы и даже «защищали» эти рефераты, как «диссертации». С юных лет Б. Акцин выписывал газеты — какие только было возможно. Неудивительно, что он хорошо ориентировался в происходящих событиях, и их знание и понимание помогли ему живо воспроизвести обстановку 1919 г. в Латвии, да и в России и Европе в целом.

Окружение Беньямина хорошо понимало, что силы, посланные на борьбу с коммунистами, заинтересованы не столько в свержении советской власти, сколько в том, чтобы «охватить» как можно большую сферу влияния и природные богатства: Британия зарилась на бакинскую нефть, а японские интервенты — на сибирские просторы; даже Польша, сама лишь совсем недавно обретшая независимость, прихватила земли, населенные не поляками.

Страны Антанты поддержали новые государства, отколовшиеся от России. В самих этих республиках тоже сложились разного рода силы (Б. Акцин их подробно

характеризует), готовые сражаться с красными. Короче говоря, по ряду причин, детально перечисленных в рассматриваемой книге, Советская Россия в 1919 г. не удержала советскую власть в Эстонии, Латвии и Литве... Вернулась она туда лишь в 1940 г.

«В мае 1919 г. — вспоминает Г. Акцин, — произошел неожиданный поворот. Красные войска, как русские, так и латышские, оставили в течение нескольких дней Прибалтику. Вместо них сразу же появились военные делегации стран Запада в сопровождении военных кораблей.

Мирная конференция в Версале демонстративно направила приветствия новым прибалтийским республикам».

Далее Б. Акцин рассказывает о дальнейшей судьбе войск, противостоявших красным.

«Силы фон дер Гольца¹² были вынуждены отступить в Германию, и впоследствии они стали ядром нацистского движения в Восточной Пруссии.

Части князя Ливена¹³ влились в войска русского генерала Юденича, который пытался отвоевать у коммунистов Петроград. Солдаты Бермондта разбежались кто куда. Большинство их влились в поток беженцев [белоземлигрантов], нашедших приют на просторах Европы.

Родилась Латвийская Республика со столицей в Риге.

Для меня и, наверное, для большинства рижан самым впечатляющим событием был переворот, который свершился через пару дней после отступления Красной армии: появилось большое американское грузовое судно, бросившее якорь в городе. Многие матросы были неграми, чьи черные головы были для нас необычным зрелищем...

Груз судна состоял из мешков белой как снег муки. Я стоял у причала вместе с другими молодыми людьми и наблюдал за разгрузкой мешков. На следующее утро мы пошли к пекарням, чтобы принести домой караван только что испеченного белого хлеба, еще горячего.

...Я помню, что получил два каравая. По дороге не удержался, отломил здоровенный кусок и стал жевать. Ничто, что я ел раньше и после этого, по своему вкусу не приближалось к даращему наслаждение вкусу того ломтя хлеба».

В заключение хочу поделиться своими личными воспоминаниями о профессоре Б. Акцине. Мне довелось обменяться несколькими репликами с этим приветливым человеком в 1972 г., когда он был ректором Хайфского университета. Обстоятельства нашего с ним знакомства были следующими.

Видные израильские ученые-востоковеды сочли возможным рекомендовать моего мужа — в то время нового репатрианта из Советского Союза Михаила Гельцера на должность преподавателя древней истории, поскольку уже тогда он был хорошо известен в своей отрасли науки. В 1945 г. ему, еврею, было еще нетрудно поступить на восточный факультет Ленинградского университета, где он прошел хорошую школу у выдающихся профессоров. Будучи простым учителем и затем нештатным вузовским преподавателем, М. Гельцер систематически занимался исследованиями древних текстов ближневосточного региона, и его статьи стали понемногу появляться в научных изданиях разных стран.

Б. Акцин относился к советской науке скептически, ибо тоталитарный режим в изобилии порождал «ученых»-конъюнктурщиков. Однако, будучи человеком внимательным и любезным, ректор выслушал аргументы израильских востоковедов, которые убедили его в том, что и в СССР были и есть настоящие ученые и М. Гельцер — один из них. В итоге мой муж был принят на работу в Хайфский университет, хотя, надо признать, добиться признания и применения своих знаний новым репатриантам трудно.

Однажды при встрече ректор Б. Акцин на правах старшего по возрасту человека шутливо поприветствовал М. Гельцера, зная, что тот родом из Таллина: «А, здравствуйте, ревельская килька!» Ведь выходцам из Прибалтики хорошо известно, что Таллин (Ревель) славится своим засолом кильки.

*

Книга Б. Акцина «Из Риги в Иерусалим» представляет собой не только захватывающий рассказ. Личность ее автора столь значительна, что его суждения могут помочь разобраться в проблемах и других периодах, прежде всего нынешнего — начала XXI столетия. Мир меняется, но настороженное отношение неевреев к евреям почти неизменно. В свое время эта настороженность, неприятие переросли в ненависть, внедренную нацистами и приведшую к гибели трети еврейского народа. Нет согласия и между самими евреями (да ее никогда и не было!). Но коль скоро случилось так, что Израиль — сильное государство, что в конце XX в. сотни тысяч людей — евреев и «не совсем» евреев стали репатриантами и иврит зазвучал в мире, как никогда, и интерес к евреям и их цивилизации сохраняется во всем мире, то следует расширять и углублять знания о еврействе в самых широких кругах.

Думается, что если евреи или те, кто хочет быть евреями, будут знать о еврействе как можно больше и будут пополнять эти знания, в ы с т р а и в а т ь и х в с и с т е м у, это может помочь еврейскому народу и еврейскому государству да и всему миру. Беньямин Акцин был в этом убежден и умел убеждать других.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Акцин Беньямин (1904—1985) — ученый-правовед и политолог, видный деятель сионистского движения. Родился в Риге. Получил еврейское образование у частных учителей, учился в гимназиях с преподаванием на русском, немецком и идише. В годы Первой мировой войны находился с семьей в эвакуации в Саратове. По возвращении в Ригу в условиях революции и Гражданской войны примкнул к сионистскому движению, став с 1925 г. сторонником его *ревизионистского направления. В 1926 г. окончил Венский университет с ученой степенью доктора права, затем до 1932 г. специализировался в области международного права в Парижском университете. В 1934—1936 гг. преподавал в Гарвардском университете (США), а в 1936—1941 гг. — в юридическом колледже в Бостоне; в 1941—1944 гг. работал в исследовательской группе при Библиотеке конгресса США. Одновременно с научной и педагогической работой вел интенсивную политическую деятельность: в Париже входил в редколлегию издававшегося там сионистско-ревизионистского журнала «Рассвет», в 1929—1930 гг. являлся генеральным секретарем этого движения, в 1936—1940 гг. возглавлял политический отдел *Новой сионистской организации с центром в Лондоне. В 1949 г. переехал из США в Израиль, где в 1951—1954, 1956—1958 и 1961—1963 гг. был деканом юридического факультета Еврейского университета в Иерусалиме, основал и много лет возглавлял в нем отделение политических наук; в 1969—1972 гг. являлся ректором Хайфского университета; избирался вице-президентом Международной ассоциации политических наук, возглавлял Израильскую ассоциацию поддержки ООН. На разных языках вышли его книги «Фундаментальные проблемы публичного права» (1929), «Государство и нация» (1946), «Принципы государственного управления» (1952), «Новые государства и международные организации» (1955), «Теория государственного управления» (1963—1965), «Проект конституции Израиля» (1965) и др. — *Ред.*

² *Сливкина Э.* Знаменитые евреи, выходцы из Прибалтики, — строители Государства Израиль // Евреи в меняющемся мире: Материалы 3-й Междунар. конф., Рига, 25—27 окт. 1999 г. Рига, 2000. С. 190—195.

³ *Akzin B.* From Riga to Jerusalem: A memoir. Jerusalem, 1989. (Hebr.)

⁴ *Сливкина Э.* Указ. соч. С. 195.

- ⁵ Шолом-Алейхем (наст. имя и фам. Шолом Рабинович) (1859—1916) — еврейский писатель, родился и жил в России, с 1914 г. — в США. Писал преимущественно на идише, а также на иврите и русском. Создатель галереи ярких национальных типов. Для произведений характерны юмор и лиризм, точные бытовые детали, ярко выраженная демократическая позиция. Романы «Сендер Бланк и его семейка» (1887), «Иоселе-Соловей» (1889), «Потоп» (1906), «Блуждающие звезды» (1909—1911), «Кровавая шутка» (1913), повесть «Мальчик Мотл» (1907—1916), циклы новелл «Менахем Мендл» (1892) «Тевье-молочник» (1894—1914) и др. — *Ред.*
- ⁶ Перец Ицхок Лейбуш (1851—1915) — еврейский писатель (писал главным образом на идише). Жил в Польше. Острая психологическая конфликтность его новелл сочетается с протестом против социального угнетения («Хасидские рассказы», «Народные предания»). Автор романтически-символических драм «Что таится в скрипке», «Ночь на старом рынке». — *Ред.*
- ⁷ Клаузер Иосиф Гдалиа (1874—1958) — еврейский языковед, литературовед, историк. Родился в Трокском уезде Виленской губернии; с 1897 г. изучал историю, философию и языки в Гейдельбергском университете (Германия), доктор философии (1902). Затем до 1917 г. жил в Варшаве, потом в Одессе, где преподавал в университете; с 1919 г. — в Стране Израиля, с 1925 г. руководил кафедрами в Еврейском университете в Иерусалиме. Автор многих трудов в различных областях гуманитарного знания (писал на иврите). Один из поборников возрождения иврита как разговорного языка, призывал к расширению его лексики, считал, что ивритская культура должна быть открыта европейскому влиянию, ратовал за синтез иудаизма с общечеловеческими ценностями. — *Ред.*
- ⁸ Продуктивный труд многие сионисты понимали в духе учения физиократов (см. прим. 38 на с. 253). — *Ред.*
- ⁹ Вейцман Хаим (1874—1952) — первый президент Государства Израиль (с 1948 г.), один из лидеров сионистского движения, президент Всемирной сионистской организации (в 1920—1931, 1935—1946 гг.). — *Ред.*
- ¹⁰ Гоф Хьюберт (1870—1963) — британский генерал; в 1919 г. руководитель миссии стран Антанты в Прибалтике. — *Ред.*
- ¹¹ Бермондт Павел Рафалович (1884—1973) — авантюрист; родился в Тифлисе (ныне Тбилиси), бывший офицер царской армии, полковник (1918), объявивший себя князем Аваловым (октябрь 1919 г.) и генерал-майором (декабрь 1919 г.). В сотрудничестве с немецким генералом Р. фон дер Гольцем (см. прим. 12) осенью 1919 г. сформировал из германских интервентов и русских белогвардейцев так называемую Западную русскую армию с целью наступления на Петроград и свержения большевистского режима в России, попутно ликвидировав национальную государственность народов Прибалтики. Наступление бермондтовцев было остановлено в ноябре в Риге латвийской армией при поддержке флота стран Антанты, а силы Бермондта рассеяны и изгнаны с территории Латвии. — *Ред.*
- ¹² Гольц Рюдигер фон дер (1865—1946) — немецкий генерал; в 1919 г. командовал силами германских интервентов на территории Латвии. — *Ред.*
- ¹³ Ливен Анатолий Павлович (1872—1937) — князь, представитель известного в Прибалтике дворянского рода. В январе 1919 г. принял на себя командование входившей в ландесвер русской ротой; в июле эта рота, значительно пополненная, отправилась на помощь угрожавшей Петрограду белогвардейской Северо-Западной армии генерала Н. Н. Юденича. — *Ред.*